

УДК 340.15

МУСУЛЬМАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

А.Р. Мухаммадеев, кандидат исторических наук

Принятие в начале X в. ислама булгарами на государственном уровне означало и становление новой государственности, религиозной и правовой системы, мировоззрения в целом. В основе болгарского законодательства и суда лежала правовая система, которая существовала в начальный период становления ислама, а затем развитая и дополненная во времена Омеядов и Аббасидов. Но это вовсе не означает, что болгарская правовая система является точной копией таковых и не претерпела никаких изменений. Как один из основных отличий можно назвать то обстоятельство, что болгарский правитель принял систему обрядов не шафитского (багдадского), а ханафитского (среднеазиатского) толка. Окончательная победа системы ханафитского толка, уже успешно применявшейся к тому моменту волжскими булгарами, была обусловлена не столько религиозными соображениями и географическими факторами, сколько политическими тенденциями, желанием сохранить установившиеся торговые и культурные связи со Средней Азией.

Последователи ханафитской школы в правотворчестве и судопроизводстве руководствовались тем, что главное внимание следовало уделять смыслу, а не букве установлений, учитывая при этом местные условия. Таким образом, учение Абу-Ханифы и его последователей давало возможность относительно свободного действия в решении правовых вопросов в зависимости от конкретной обстановки. Отмеченная Ибн Фадланом осведомленность повелителя

булгар в правилах вынесения заключений фикха (обязательное согласие муджтахидов), а также практика совмещения вечерней и ночной молитв в летнее время (что требовало соответствующей фетвы) позволили специалистам сделать вывод не только об основательном знакомстве булгар с мусульманской правовой традицией, но и попытках конкретных ее разработок с учетом местных условий и особенностей¹.

В целом распространение в праве ханафитской школы сыграло в средневековых тюркских государствах особую важную роль. В государстве сельджукидов (XI–XIV вв.), например, со времен Тугрул-бея большинство кадиев выбиралось из числа ханафитов. Как естественный результат этого, ханафитская школа доминировала в юридической практике того времени. Однако прямых указаний судам действовать в рамках школы ханафитов не давалось. Такое же положение дел сохранялось и в первый период существования Османской империи. Тогда в бератах о назначении кадиев также не содержалось открытого указания действовать в рамках ханафитского права. Впрочем, в период, о котором идет речь, кадиями и так назначались в основном законоведы, принадлежавшие к школе ханафитов, и в подобных предписаниях, возможно, не было особой необходимости².

Имея в виду то, что до конца X в. во всем мусульманском мире судьи пользовались значительной свободой в выборе решения по вопросам, не регламентированным Кораном, сунной, индивидуальными или единогласными

решениями сподвижников Пророка и «в решении одних дел применяли выводы одного толка, а при рассмотрении других прибегали к нормам, предлагавшимся сторонниками другой школы права», Р.М. Мухаметшин делает вывод о том, что к началу X в. процесс становления государственности и религиозно-правовой системы Волжской Булгарии не закончился одним лишь фактом массового и официального принятия ислама. Ханафитский мазхаб с относительным терпением к инакомыслию и широким использованием местного обычного права, сложившегося у разных народов в доисламский период, возможно, не способствовал ускорению завершения этого процесса. В данном случае, говорит ученый, имея в виду болгарскую исламизацию как действительность, нельзя не согласиться с мнением Г.Э. фон Грюнебаума о том, что «в известном смысле закон следует рассматривать скорее как символ мусульманской идентификации и силу, связывающую всех мусульман, чем как практическое орудие повседневной юридической практики»³.

Необходимо особо подчеркнуть в средневековых исламских государствах роль фетвы, выражающую мнение правоведа, состоявшую из ответов на вопросы религиозно-правового характера. Изначально фетву широко использовали в качестве выражения принципа совещательности (шура), в целом рекомендуемого для применения в исламе. Группа из семи правоведов, которую основал в Медине второй халиф Омар, например, была инстанцией, решавшей юридические вопросы, куда свободно мог обращаться любой, включая кадия Медины. Кадий Куфы, Шуреих, на суде всегда держал около себя группу правоведов, чтобы опираться на их фетвы для использования в судебном процессе. В период становления исламского права каждый правоведа-муджтахид имел право давать фетву, и к нему свободно могли обращаться любые граждане. Для этого было необязательным назначение на должность центральной властью, как

это случалось с кадиями, достаточно было обладать необходимым багажом юридических знаний, а потому каждый мударрис в медресе, где изучали фикх, мог рассматриваться как муфтий. Фетвы, данные такими муфтиями, которые через определенное время стали назначаться официально, никак не связывали кадиев, но неизменно играли важную роль в совершенствовании права. Это значение выявляется в большинстве сборников фетв, собиранием которых на протяжении истории исламского права занимались все школы.

По мнению специалистов, фетвы играли двоякую роль в развитии исламского права. В случаях, когда не было возможности привлечь муджтахидов, кадии время от времени откровенно нуждались в помощи муфтия, чтобы найти правовую основу для разбирательства той или иной тяжбы. В этом плане муфтии были помощниками кадиев. С другой стороны, наличие факихов (специалистов по фикху), к которым в любое время легко обращался народ за религиозно-правовыми консультациями, позволяло решать им проблемы без передачи их в суд⁴.

Освоение булгарами ханафитской школы означает и применение ими норм права именно этого направления ислама. Предположения о том, какие источники мусульманского права, кроме Корана и сунны, могли применять кадии и законоведы Волжской Булгарии, мы можем строить исходя из авторитетных источников, на которые опирался именитый татарский богослов Г. Утыз Имяни (1754–1834 гг.). Известно, что этот ученый не только продолжал пользоваться источниками времен существования Волжской Болгарии, но и был ярким приверженцем старых традиций местной мусульманско-правовой мысли. Эти источники можно разделить на три группы. Первая группа – это источники, относящиеся к VII–VIII вв., к ним, в частности, относят известную книгу «ал-Мабусут», автором которой является Абу Юсуф Якуб ибн Ибрагим ал-Кады ал-Канафи, один из учени-

ков Абу Ханифы (ум. в 798 г.). Вторая группа — источники, относящиеся к X—XII вв., среди которых «ан-Навазил фи ал-Фуруъ» в авторстве известного среднеазиатского факиха Абу ал-Ляйс Наср ибн Мухаммад ибн Ибрагим ас-Самарканди ал-Ханафи (ум. в 968 г.), «ал-Мухит», автором которой является Мухаммад ибн Ахмад ибн Аби Сахл ас-Сархаси ал-Ханафи (ум. в 1046 г.), «ал-Хидая», автор которого другой среднеазиатский богослов Бурхан ад-Дин ибн Аби Бакр ал-Маргинани ал-Ханафи (ум. в 1196 г.). В третью группу входят многочисленные трактаты XIII—XV вв., которые вне рамок нашего исследования, но также относились к ханафитскому толку. В целом же, известно, что Г. Утыз Имяни отдавал предпочтение либо фетвам Абу Ханифы, либо его учеников Абу Юсуфа и Мухаммада, но никогда не выходил за рамки их фетв, тем самым способствуя сохранению традиционных устоев татарско-мусульманского общества⁵.

Указанное позволяет нам сделать вывод о том, что правоведы и кадии Волжской Болгарии были знакомы с первыми двумя группами этих мусульманских источников права и успешно применяли их на практике. Это можно объяснить как хронологическими рамками их появления и тем, что они являются источниками непосредственно ханафитского толка ислама, официально принятого булгарами, так и тем, что эти источники со временем превратились в традиционные нормы мусульманской общественно-правовой мысли и продолжали применяться среди татар Поволжья спустя много столетий.

Были ли среди волжских болгар свои авторитетные знатоки мусульманского права, влиявшие на становление и развитие в стране исламской правовой мысли и способные решать спорные религиозно-правовые вопросы, в том числе судебные? Несомненно, были. Некоторые из них исследователи называли и по именам. Несмотря на сомнительность их источниковой базы, мы приведем сведения этих авторов. И. Березин, в частности, писал: «Из улемов (при-

знанные и авторитетные знатоки теологии и религиозного права) учеников последователей известны Абдул-Лятиф Бен Абдулла и великий из мюджтегидов Нух ибн Мюрим, сочинитель «Опоры судей и пользы юрисконсульттов», могла его теперь находится в Булгаре. Знаменитый имам Хагер Задэ из Булгара похоронен в Хорезме; и еще один знаменитый Иса Бен Ахмед Бен Мухаммед Бен Абу-бекр, болгарский казначей, похоронен в Булгаре. На кладбище болгарском похоронены и другие мюджтегиды принципов и выводов из принципов. Не было числа умершим во время пелеринажа духовным лицам и законникам бухарским и хорезмским, пришедшим из земли Кашгара, среди которых был и Абдурахман Джами... Пришедший в Булгар учитель Хасам-эд-дин Бен Ибрагим сочинил книгу принципов (богословия) под названием «Утверждение Хюсамова и о выводах принципов “Железный камень”»⁶.

М. Худяков, ссылаясь на Шарафедина бин Хисаметдина, также сообщает имена средневековых «суфийских наместников» Среднего Поволжья, повлиявших на религиозно-правовую жизнь. В частности, Бейраша, сына Ибраша, непосредственного ученика Ахмеда Ясави; Иш-Мухаммеда сына Тугк-Мухаммеда, ученика Бейраша; Идриса, сына Зуль-Мухаммеда и др.⁷.

Кажущаяся простота мусульманского правосудия не избавляла его от множества сложностей и нюансов. Они могли проявляться как исходя из местных особенностей, так и общих для всего мусульманского правоведения проблем. Примером тому могут служить мусульманские суды Османской империи: были известны случаи, когда стороны в суде старались поддерживать фетвой свои позиции. В протоколах шариатских судов довольно часто встречаются решения, опирающиеся на фетву, раздобытую только одной из сторон. Это говорит о том, что кадии находились под влиянием представленной им или затребованной ими самими фетвы. Хотя то, что фетва не связывала кадия,

еще не означало, что он мог просто отклонить ее, для этого были нужны веские основания. В противном случае сторона могла обратиться в *Диван-и Хумаюн**, и тогда кадий, беспричинно отклонивший фетву, мог оказаться в сложном положении. Особенно значимыми были фетвы, данные шейхульисламом⁸.

Несмотря на то что в Волжской Булгарии ислам был принят официально, нельзя отрицать возможность того, что определенная часть общества продолжала придерживаться языческих мировоззрений и обычаев. Это касалось не только зависимых финно-угорских аборигенов, но и некоторых групп самих болгар. О том, как решались среди них и связанные с ними судебные тяжбы и другие спорные вопросы, у нас сведений практически нет. Скорее всего, одним из источников права для общинных судов продолжали оставаться нормы обычного права. Сведения ал-Гарнати, побывавшего в Булгарии в XI веке, о суде над колдуньями у предков мордвы⁹ все же позволяют предположить, что среди языческого населения правосудие и через столетие после исламизации продолжало вершиться по обычному праву предков.

В связи с указанными обстоятельствами возникает ряд вопросов: Какую силу имели решения судов по обычному праву в пределах исламского государства? Были ли взаимосвязаны и взаимодействовали ли шариатское право и суд с языческим населением Волжской Булгарии? Если да, то какова была роль шариатских судов в решении судебно-спорных вопросов в языческих общинах? Ответ может подсказать аналогия с положением судов и судей в других средневековых тюркских государствах. В Османском государстве, например, кадии наделялись полномочиями разбирать не только шариатские дела, но

и дела обычного права. Там никогда не существовало специального суда, в котором слушались бы только дела обычного права. Настенная надпись в багдадском медресе Мерджание: «диван разбирает конфликты по шариату и по праву *орфи*» – показывает, что и при Ильханидах дела по обоим видам прав разбирались одним судьей. Не было иного судьи, кроме кадия, и в государствах сельджукидов. Со временем полномочия рассматривать некоторые дела немусульман были переданы судам соответствующих общин. Существовавшие в некоторых мусульманских странах диваны *мезалим* («диваны справедливости») представляли собой не суды *орфи*, а, отличаясь от обычных судов в организационном отношении, были наделены особыми полномочиями и обязанностями, действуя также в рамках шариата. В целом такая традиция соответствовала традиции всех прежних исламских государств¹⁰.

По-своему уникальной является судебная система Хазарии, в сферу влияния которой входила Волжская Булгария. В основном, система сюзеренитета-вассалитета между хазарским государством и булгарами дает возможность привлечения источников, касающихся публичного права Хазарии, для освещения общественно-правовых взаимоотношений Волжской Булгарии. Согласно сведениям ал-Масуди в Хазарском каганате действовали «семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Тауры (Тора, Пятикнижие), двое для тамошних христиан, которые судят по закону Инджиля (Евангелия), один же из них для славян, русов и других язычников, он судит по закону язычества, то есть по закону разума. Когда же случается великая тяжба, о которой они (судьи) понятия не имеют, то они собираются к мусульманским судьям, доносят об

* Несмотря на то что в османском праве не существовало постоянной кассационной инстанции, султанский диван время от времени контролировал решения, принятые кадиями, и выступал как суд высшей инстанции. Порой обычные суды избегали рассматривать какие-то запутанные тяжбы и передавали их на рассмотрение в диван как в суд первой и последней инстанции.

этом и покоряются решению, необходимому по закону ислама»¹¹.

Сведения из источников и изучение истории распространения мусульманского права среди татар дали основания Г. Губайдуллину предположить, что хазарское правительство, «несмотря на принадлежность членов его к иудейской религии, предпочитали арабское право и кассационным судом был суд из двух кадиев, производящих судопроизводство по шариату»¹².

Однако на этот счет имеется более раннее и, на наш взгляд, более правильное мнение. А.Я. Гаркави в своих разъяснениях к тексту источника говорит, что предпочтение, отданное ал-Масуди мусульманским кадиям, если не общее убеждение автора в превосходстве исламских законов над прочими, то, по всей вероятности, один отдельно взятый случай, возведенный им в общее правило. К тому же Ибн Фадлан откровенно свидетельствует о том, что трудные решения тяжбы были предоставляемы не мусульманским кадиям, а хазарскому кагану¹³.

По мнению П. Голубовского, в Хазарском каганате другие судьи обращались к мусульманским судьям потому, что они, очевидно, были государственными судьями¹⁴. Учитывая, что примерно в это время (сообщение ал-Масуди) Хазарское государство находилось на стадии развала, а вскоре каган вынужден будет обратиться за помощью к мусульманам и сам принять ислам, совсем отвергать эту версию, на наш взгляд, нецелесообразно.

Конечно, даже авторитет мусульманских судей в Хазарском государстве не мог дать им права быть вышестоящей инстанцией по отношению к другим, равным им, судам. Тем более, что иудейский, христианский и языческие суды рассматривали дела совсем по другим, своим законам и понятиям, у каждого из них были свои особенности судоговорения, ведения судебного процесса. Несомненно, ал-Масуди был глубоко убежден в превосходстве мусульманского права над другими как с

точки зрения правильности законов, так и справедливости. Не исключено, что другие судьи могли обратиться к более грамотным мусульманским кадиям, с целью узнать их точку зрения по тому или иному трудноразрешимому вопросу; поинтересоваться об отношении к таковым со стороны исламского законодательства; или узнать личное мнение по существу дела. О наличии в Хазарском каганате семи судей разного порядка судопроизводства также упоминают Ибн Хаукаль, Ибн Фадлан, ал-Мукаддаси, ал-Бекри.

Кроме того, Ибн Фадлан говорит, что у хазарского кагана был огромный город на Волге, состоящий из двух сторон, в одной части города жили мусульмане, в другой — каган и его приближенные. «Над мусульманами начальствует муж из числа приближенных отроков царя, который назывался хаз (кази). Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и временно приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней есть высокий минарет и несколько муэдзинов»¹⁵.

Наличие судей предполагает и наличие каких-то органов принуждения, исполнения судебных решений, правоохранительных органов. По мнению Плетневой, возможно, полицейские функции в случае Хазарского государства выполняли наемные гвардейцы кагана из мусульман, называемые ларшиями¹⁶.

Основной обязанностью, из всех выполнявшихся кадиями, была работа в качестве судьи. В бератах Османского государства, которыми кадий назначался на свой пост, ему предписывалось «... следовать шариату Пророка, руководствуясь священными указаниями и запретами». Кадий исполнял свои обязанности в пределах границ территории

и в рамках срока, на который он назначался. Решения, принятые кадием вне назначенной ему территории и за пределами сроков исполнения должности, считались недействительными.

На сегодняшний день из источников мы можем назвать имена конкретных болгарских судей-кадиев, оставивших свой след в истории Волжской Болгарии. Например, болгарского **кади** Якуба ибн Нугмана ал-Булгари (XII век), который создал «Историю Болгарии». К сожалению, на сегодняшний день не обнаружено ни единого экземпляра этой книги. Ш. Марджани еще в XIX в. сетовал, что, несмотря на данные по всей Европе объявления, ее поиски не дали положительных результатов (кстати, в это время еще не были обнаружены и записки Ибн Фадлана с отчетом о путешествии на Волгу). Следующий ученый — Абу ал-Аля Хамид ибн Идрис ал-**Кад**и ал-Булгари (XII век, был жив в 1106 году), кроме других титулов, носил звания «*борец с бидга*»*, «*факих*»¹⁷. Судя по сочинению ибн Дауда ас-Саксини, ученика «бывшего кадием Булгара» Хамида ал-Булгари, этот «**кади** Булгара» придерживался тарриката Ахмада Ясави¹⁸. Также известно имя шейха имама **кази** Гимадуддина Абу Бакра Мухаммади ибн ал-Хасана ибн Мансура ан-Насафи¹⁹. В «Тарихи-и Бейхак» Бейхаки есть сообщение, что в 1041/1042 (433 г.х.) «...человек из болгар — один из больших людей того народа — со свитой из пятидесяти человек, направляясь совершить хадж» посетил Багдад. Известно, что болгарского аристократа сопровождал человек по имени Йа'ла ибн Исхак ал-Хорезми, по прозвищу «**Судья**», который вел переговоры в халифском диване (государственной канцелярии)²⁰.

Из сообщения ал-Гарнати об указанном болгарском кадии, переписавшем «Историю Булгара», «который был из учеников Абу-л-Масали Джувейни», И.Л. Измайлов сделал выводы о существовании «в стране болгар института судей — городских кади, входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах»²¹.

Насколько здесь правомерно говорить об институте городских судей, трудно сказать, тем более что предлагаемая автором ссыла не дает дополнительной информации о других судьях, кроме полуполюгендарного бухарского правоведа-факиха, «хорошо знавшего медицину». Если мы говорим о судах как о системе, скорее всего, речь должна идти в целом об институте мусульманских судей, которые по своему общественному положению, статусу, знанию законов и моральным качествам выделялись от общей массы. Вхождение отдельных городских кадиев в высшую элиту, участие их в международных контактах, безусловно, говорит об их высоком авторитете в обществе, но уводит несколько в иную плоскость. Тем более что кадии кроме непосредственного осуществления правосудия выполняли множество функций, входящих в круг обязанностей чиновников и нотариусов.

Судя по общим тенденциям и принципам развития общественно-правовых взаимоотношений в средневековых странах их правители наделялись и верховной судебной властью. Более конкретные случаи проявления высшей судебной власти правителя в тюркских исламских государствах мы можем наблюдать на примере государства Караханидов и Османской империи. Правители Караханидского государства широко пользовались не только своим правом управлять народом, но и правом судить, поощрять верных и карать провинившихся подданных. Это отчетливо видно в произведении XI в. «Кутадгу билиг». Хан (элик) мог помиловать или покарать, символом чего в произведении являются находящиеся с двух сторон трона правителя две чаши: с «усладой» и ядом, в руке он держал нож. Чаша с усладой предназначена для тех, кто нашел здесь правосудие, а с отравой для тех, кто оказался неправым. Элик говорит о себе, что он символ справедливости и закона, его власть крепка, суд справедливый. Правитель одинаково судит бека и раба, чужого или своего, родню и пришельца, все они перед

законом равны, ни для кого из них он не прибавит или смягчит вину. Основа власти в ее справедливости, там, где от правителя «дан справедливый закон, порочный в темнице страдать осужден». Здесь же элик сообщает собеседнику, претенденту на ханскую службу Айтолды о своем праве казнить неверного подданного: «служи мне во благо — себя упасешь»²².

В тексте «Кутадгу билиг» неоднократно встречаются слова «закон» и «справедливость», которые практически везде являются тождественными понятиями. Правитель олицетворяет закон и справедливость. Хан владеет искусством сверять свою волю с государственными делами, применять свою власть ровно на столько, на сколько необходимо для пользы дела. Элик настолько справедлив, что сам определяет не только вину, но разделяет виновных по категориям, «карая дурных» и «отправляя на покой» негожих. В то же время любой правитель должен быть в курсе событий, творящихся в его стране, он силен грамотными и верными помощниками, подданными, знания и навыки которых позволяют править и поддерживать законность в государстве. Хану необходимо быть осторожным и придерживаться шариата. Вместе с тем закон, который он дал народу, выше его личной власти и величия²³.

Айтолды, олицетворяющий счастье, пишет завещание элику:

«Законы вводящий! Карай справедливо!
Законы крушащий для смерти пожива.
Правитель не пестуй порядок неправый:
Неправый не справится с трудной
управой!

А кто утверждает порядок неправый,
По смерти дурной покроется славой.
Кто добрых держался законов и правил,
Тот доброе имя надолго оставил»²⁴.

В идеале, правитель средневекового мусульманского тюркского государства — законодатель и верховный судья, он управляет и судит по закону, несмотря на происхождение, социальное и материальное положение, родственные отношения подданных. Каждый член

общества имеет право на справедливый суд и отношение к себе. Правитель должен придерживаться основ шариата и применять его по отношению к другим людям.

На примере Османской империи мы можем наблюдать более конкретные способы решения судебно-правовых споров и проявления высшей судебной власти правителя. В случаях, когда подчиняться той или иной фетве повелевал султан, у кадиев не было другого выхода, как выполнить волю правителя. В архиве султанского дворца Топкапы в Стамбуле хранится фетва, которая гласит: «Настоящая фетва выдана для обязательного исполнения высочайшим повелением...». Этот образец фетвы, обязательный к исполнению велением султана показывает, что иногда и сам султан запрашивал необходимую ему фетву, которая также являлась обязательной к исполнению. У шейхулисламов были возможности прямо направлять подобные фетвы султану, без посредства великого везира, и тем самым обеспечивать нужное решение кадия в суде²⁵. С одной стороны, это свидетельствует о высшей судебной власти султана, а с другой — показывает непосредственное влияние шейхулисламов на религиозно-правовую жизнь государства, судебную практику.

В исторической литературе отмечается, что к началу X в. в руках болгарского предводителя, кроме военной, была сосредоточена высшая судебная и гражданская власть. Согласно тюркским традициям, глава государства или народа являлся также первосвященником (в ранних государственных образованиях это просматривается в сакрализации правящего рода). Вместе с тем мусульманизация общества существенно не повлияла на эту роль болгарского правителя. Согласно сообщениям Ибн Фадлана, царь Алмуш выступает как высшая религиозная и судебная инстанция в государстве²⁶.

Кроме сведений Ибн Фадлана об Алмуше, в рамках верховной власти которого предполагается и высшая су-

дебная власть, образ мудрого и справедливового болгарского правителя, конкретно наделенного правом последней судебной инстанции, мы видим в «Сказании о Юсуфе». В произведении говорится, что он «избранных и простых судит справедливо, никому не доставляет обид и страданий». Власть Юсуфа казнить или миловать отображена и в другом отрывке, когда он сначала грозился покарать и казнить своих непутевых братьев, но затем, после мольбы о пощаде ради многострадального отца, сменил гнев на милость²⁷.

О высшей судебной власти правителя в средневековых тюрко-татарских государствах Среднего Поволжья свидетельствуют примеры из устного народного творчества казанских татар. В частности, у Н.Исанбета записана следующая поговорка: «Хөкем – көрәк, аны тоткан казый. Ханга кемне күмәргә кирәк – шуңа кабер казый», что по смыслу можно перевести как «Правосудие – лопата, она в руках кадия. Кто хану негоден – ему копает могилу»²⁸.

Материалы по истории Волжской Булгарии, в частности русские летописи и труды, написанные на их основе, позволяют нам увидеть зачатки такого явления, как международный суд. Несмотря на множество военных столкновений и конфликтов, большая часть истории взаимоотношений Волжской Булгарии и русских княжеств проходила в мирном сосуществовании, взаимопомощи, выгодных торговых сделках. Мирные договоры между булгарами и русскими княжествами предполагали и разрешение возникающих спорных вопросов на основе обычаев и традиций обеих сторон. Особо показателен в этом отношении один из последних перед монгольским нашествием мирных договоров между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией 1229 г. Подробности этого договора приводит В.Н. Татищев: рядом с русской границей на острове Коренев собрались русские и болгарские послы и стали договариваться. Как пишет историк, решили «купцам ездить в обе стороны

с товары не возбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно; (бродникам) рыболовам ездить с обе стороны до межи; и иметь любовь и мир, пленников всех освободить; **а буде будет разпря, судить, съехався судиям от обоих на меже**»²⁹.

Обоюдное желание нормализовать экономические и политические отношения двух государств вполне понятно. Исследователи, основываясь на русских летописях, пишут не только о взаимовыгодной торговле, но и о многочисленных колониях русских в Волжской Булгарии и болгар на русской территории. В частности, в городах Владимирско-Суздальской земли проживало множество болгар, которые обеспечивались даже ссудами³⁰.

Однако факт сотрудничества и возникновения тех или иных спорных ситуаций еще не говорит о наличии совместного суда, способного и предназначенного выносить решения, обязательные для исполнения обеими сторонами. На каких же основаниях собирались устроить суд люди князя Юрия Всеволодовича и представители от болгар в 1229 г.? Ответ на этот вопрос находится в тех же русских летописях. После предыдущих военных конфликтов, в 1220 г. великий князь Юрий принял мир от болгарских послов, «управишася по прежнему миру, яко же было при отце его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи, и посла съ ними мужи свои водити въ роту князей ихъ и земли ихъ по ихъ закону»³¹. Каждая из сторон принесла присягу в соответствии со своими обычаями и верой. Как писал Н.М. Карамзин об этом факте, опираясь на русские источники, «послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир, клятвою по закону магометанскому»³².

Здесь налицо принятие сторонами конкретных условий и взаимных обязательств в рамках мирных договоров, выполнение которых гарантировали обоюдные клятвы и присяги. Отступление от клятв или их нарушение считалось преступлением, рассматривалось

на совместном суде и строго каралось. Возможно пункты этого и предыдущих мирных договоров, а также общие принципы добрососедства и стали поводом для организации некоего прообраза международного суда над подданными этих государств на границе Руси и Волжской Булгарии.

Соприкосновения двух культур, согласование двух общественно-правовых систем мы видим и в сообщениях ал-Гарнати. Так, арабский путешественник сообщает об уголовном преследовании за имущественные преступления у славян. Если кто-либо из них наносил ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту, или нарушал законность каким-либо другим образом, то с нарушителя брали определенную сумму штрафа. Если у нарушителя не было денег, то как плату за преступление продавали его жену, сыновей и дочерей. При отсутствии семьи и детей виновного продавали самого. Он оставался рабом у потерпевшего до тех пор, пока не расплатился с потерпевшим, или кто-либо не расплачивался за него. В противном случае должник мог прослужить хозяину столько времени, пока тот не умрет. За подобную службу нарушителю не полагалось никакой платы. Такие строгие законы действовали и во взаимоотношениях славян с иноземцами и иноверцами. «А страна их надежная, — говорил ал-Гарнати. — Когда мусульманин имеет дело с кем-нибудь из них, и славянин обанкротился, то продает он и детей своих, и дом свой и отдает этому купцу долг»³³. Учитывая, что ближайшим мусульманским народом, постоянно проживающим рядом со славянами, были волжские болгары, с большей вероятностью можно сказать, что в данном случае идет речь о деловых и торговых взаимоотношениях, происходивших именно между этими соседскими народами.

Публичность судов всегда привлекает к ним общественное мнение, которое не всегда бывает однозначным. О том, как относилось общество к судам и судьям в Волжской Булгарии, мы мо-

жем судить из хикметов знаменитого поэта-суфия XII века шейха А. Ясави и произведений его последователя С. Бакыргани. Учитывая широчайшую популярность учения А. Ясави, у ученых имеются все основания предполагать, что при оживленных торгово-экономических и культурных связях Волжской Булгарии со Средней Азией оно стало достоянием культурной прослойки болгарского общества еще при жизни автора «Хикметов». По единодушному признанию исследователей, область широкого распространения произведений Ясави и Бакыргани — регион Поволжья и Приуралья³⁴. Рукописные списки хикметов этих авторов в данных регионах обнаруживаются до сих пор. Историки литературы и языка единодушны и в том, что влияние А. Ясави прослеживается в памятниках тюрко-татарской литературы, начиная с «Кысса-и Йусуф» Кул Гали до хикметов поэтов XVII — XVIII вв. Мавля Кулый и Г. Утыз Имяни. Поэтому ученые с достаточным основанием имеют право говорить и о знакомстве образованной прослойки болгарского общества XII в. с учением суфиев-пантеистов, страстным проповедником которого выступает А. Ясави³⁵.

Прославляя суфиев-мистиков как истинных ученых и достойных преклонения личностей, Ясави одновременно не скрывает своего презрения к сильным мира сего, блюстителям шариата и чистоты нравов, в том числе и судей:

Ставшие муллами, муфтиями выступали
С ложными притязаниями,
Выдавали белое за черное, их место в аду,
Ставшие кази, имамами выступали
С ложными притязаниями.
Они как ослы пали под кладью.

В другом хикмете, осуждая падение нравов среди мусульманского населения, автор винит в этом все общество, начиная с низших слоев, заканчивая правителями, допускающих несправедливости и нарушения закона. Ясави ясно дает понять, что при таких духовных наставниках и законниках развращение общества дело лишь времени:

Мусульманин убивает мусульманина,
 Поступая несправедливо, правое дело
 превратил в неправое.
 Мюриды не внимают душой своему пиру,
 Очень тревожные (зловещие) времена
 наступили, друзья.
 У народа нет щедрости,
 У царей, везирей нет справедливости,
 В молитвах дервишей нет согласия,
 Разные беды обрушились на народ,
 друзья³⁶.

Обобщая сказанное, мы можем сделать следующие выводы. Принятие ислама волжскими булгарами обусловило изменения как в общественно-правовых взаимоотношениях, так и непосредственно в судебной системе. Отныне правосудие вершили не знатоки древнего тюркского права и

обычаев, а специалисты по фикху. В болгарском обществе появились *кади*, основным предназначением которых было осуществление среди населения правосудия. Мусульманская правовая система принесла волжским булгарам новые принципы разрешения судебно-спорных вопросов и упорядочила судебно-правовые взаимоотношения в государстве. Следующим важным обстоятельством можно назвать то, что в этот период появились зачатки международного суда между Русью и Волжской Булгарией. Вместе с тем внутри общин и у других народов Волжской Булгарии оставалась возможность разрешать споры на основе обычного тюркского права. Высшей судебной властью оставался сам хан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. — Казань: РИУ, 2010. — С. 63.

² История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры; пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. — Т.1. — М.: Восточная литература, 2006. — С. 347.

³ *Мухаметшин Р.М.* Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. — Казань: Иман, 2000. — С. 19—20.

⁴ История Османского государства, общества и цивилизации... — С. 351.

⁵ *Адыгамов Р.К.* Габдрахим Утыз Имяни. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. — С. 96—97.

⁶ *Березин И.* Булгар на Волге // Ученые записки КГУ. Книга III. — Казань: Типография Казан. ун-та, 1852. — С. 153 — 155.

⁷ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. — М.: ИНСАН, 1991. — С. 198.

⁸ История Османского государства... — С. 351.

⁹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу и Центральную Европу (1131—1151). — М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. — С. 37.

¹⁰ История Османского государства... — С. 338—339.

¹¹ *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и Хазарском царстве. — С.-Пбг.: Типография Академии наук, 1874. — С. 129—130.

¹² *Губайдуллин Г.* История распространения арабского права среди приволжских татар / Мухаммадеев А.Р. Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. — Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. — С. 86.

¹³ *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей... — С.152.

¹⁴ *Голубовский П.* Болгары и хазары / «Киевская старина». Т. 22. — Киев, 1888. — С. 64.

¹⁵ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. — С. 147.

¹⁶ *Плетнева С.А.* Хазары. — М.: Изд-во «Наука», 1976. — С. 58.

¹⁷ *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Часть 1. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. — С. 101—102.

¹⁸ *Измайлов И.* Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. — С. 45.

- ¹⁹ *Марджани Ш.* Извлечение вестей... – С. 101–103.
- ²⁰ *Измайлов И.Л.* Великий волжский путь и распространение ислама в Поволжье // Великий волжский путь: история формирования и культурное наследие. Материалы III этапа Международной научн.-практ. конф. «Великий волжский путь». Часть II. Казань: ИИ АН РТ, 2004. – С. 36.
- ²¹ *Измайлов И.Л.* Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии... – С.42; *Измайлов И.Л.* Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии / История татар... Т. II... – С. 555.
- ²² Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – С. 86–95.
- ²³ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание... – С. 59–62.
- ²⁴ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание... – С. 133.
- ²⁵ История Османского государства... – С. 352.
- ²⁶ История татар... Т. II... – С. 144.
- ²⁷ *Кул Гали.* Сказание о Юсуфе. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – С. 137.
- ²⁸ Нәкый Исәнбәт. Т. III. Татар халык мәкалләре... – 373 б.
- ²⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. – Т.3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 225.
- ³⁰ *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984. – С. 91.
- ³¹ Русские летописи. Воскресенская летопись. Подготовлена Цепковым А.И. по изданию: ПСРЛ, т.7, СПб, 1856. – Рязань: «РИНФО». – С. 176.
- ³² *Карамзин Н.В.* История государства Российского. Кн. 1. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1994. – С. 448.
- ³³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу... – С.36–37.
- ³⁴ Татар эдэбияты тарихы. Т.1. Казан: Татар. китап нәшр., 1984. – С. 126.
- ³⁵ *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 45–46.
- ³⁶ *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль... – С. 49–50.

Аннотация

Статья посвящена малоизученной теме общественно-правовых взаимоотношений в Волжской Булгарии. После официального принятия ислама судопроизводство по тюркскому обычному праву сменилось судами и судьями, разрешающими спорно-судебные вопросы на основе шариата. Автором рассмотрены основы и принципы мусульманского судопроизводства, освоенного волжскими булгарами. Показана роль кадиев и правителей в осуществлении правосудия, общественное мнение о судах. На основе источников выявлены зачатки международного суда. Материал подкреплен сведениями по судопроизводству других тюркских средневековых государств.

Ключевые слова: Волжская Булгария, общество, право, ханафизм, фикх, фетва, суд, судопроизводство, кади, спор, тяжба.

Summary

The article is devoted to the little-studied question of social legal relations in Volga Bulgaria. After adopting Islam officially the legal proceeding based on the Turkic law was replaced by courts and judges solving debatable legal issues on the basis of sharia. The author considered the main principles of the Muslim legal proceeding developed by the Volga Bulgars. The role of governors and kadi is shown in the realization of justice and public opinion about courts. The early stage of the international court is revealed on the basis of sources. The material is confirmed by the information concerning legal proceeding of other Turkic medieval states.

Key words: Volga Bulgaria, society, law, hanafism, fiqh, fatwa, court, legal proceeding, kadi, dispute, lawsuit.